

Лариса Бурчак

**КОМИЧЕСКОЕ В ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX ВЕКА (ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ)**

Феномен комического в развитии грузинской литературы XIX века предстает как фактор ускорения ее эволюции. Склонность грузин к юмору, шутке, смешному, которая находит свое выражение и в фольклоре, и в произведениях далеких предшественников эстетического типа литературы, теперь трансформируется в крайне напряженных исторических обстоятельствах социально-политического перелома. С уходом в прошлое феодального уклада происходят изменения в самом национальном сознании и культуре. Поэтическое мышление с ускоренной сменяемостью классицистической и романтической фаз овладевает реализмом, а «факты, принадлежащие в русской литературной жизни двум разным эпохам, в грузинском восприятии оказываются рядом и обнаруживают свою общность» [10, с. 179]. Поэтому литература в Грузии середины XIX в. отмечена как «новизной интонаций» (Тынянов), так и сочетанием противоположных тенденций, что вообще ей свойственно издавна, но теперь сопряжено с творческой динамикой столь короткого временного отрезка. Новая грузинская литература продолжает свои национальные традиции, критика, чаще всего формирующаяся в писательском опыте, погружается, порой неоднократно, в глубины интерпретации уже известного, но еще не сполна осознанного.

Так, Илья Чавчавадзе не раз обращается к толкованиям знаменитой книги «Мудрость вымысла» автора XVII века Сулхан-Саба Орбелиани, пытаясь постичь заявленную в «странном» заголовке соединимость несовместимого. Полижанровость этого произведения развертывается баснями, новеллами, элементами сказа, а структурируется оно как повесть. Беспощадность разоблачительного пафоса с использованием аллегорий, юмористических зарисовок, народно-разговорной лексики Чавчавадзе ассоциативно проецирует на очевидные пороки власти и нравов своего времени. Голос мудрого сатирика на огромной исторической дистанции приближает молодого грузинского поэта к самым злободневным вопросам эпохи – новой концепции человека и мира, гражданственности и народности, – поэтому «вымысел» он соотносит только с поэтикой, «оболочкой» авторской мысли.

Но пришла пора, и Илья Чавчавадзе своим наследием побуждает гуманитариев задумываться над неожиданными ракурсами решаемой им проблемы личности в современном обществе. Исследователи обнаружат и у него те же контрапункты и антитезы, которые помогают усложнить художественский перцептивный арсенал для многогранного изображения действительности, среди которых значительное место отведено комическому. Сама идейно-эстетическая категория комического по своей специфике вариативна, открыта требованиям информационно интенсивней насыщаемой эпохи,

чему и адекватно мировоззрение и дарование Ильи Чавчавадзе.

В процессе обновления художественного слова с появлением множества структур и оттенков текста, когда пока и жанры не определимы, становится особенно важной «нужная связь» (Тынянов). Связь у Чавчавадзе с национальным опытом литературы и гражданскими задачами дает энергетическое наполнение его сатире на психологической основе.

«Чем сложнее субъективная и объективная ситуация, тем острее, глубже и более конфликтно выглядят антиномные реакции. Отсюда творчество великих художников-психологов исключительно богато антиномными столкновениями, суждениями и переключениями» [7, с. 122], – пишет А. Зурабашвили, придавая особое значение наследию Ильи Чавчавадзе как родоначальника «синтетического направления в изучении целостного человека (*totus homo*)», опирающегося на «симбиоз научной психологии и художественной литературы» [7, с. 120]. Философ М. Мамардашвили сознание в целом считает «парадоксальностью», к которой невозможно привыкнуть. Но сознание художника как «парадоксальность», способное постоянно концентрироваться на парадоксальности жизненных реалий, в сатирическом аспекте раскрывается с особым аналитизмом и обобщенностью. Чем убедительней он проникает в конкретные противоречия, выводя их на уровень общечеловеческих универсалий, тем дольше его произведения вызывают интерес у читателей. Психологи отмечают, что вообще люди в обыденной обстановке стараются не замечать и даже сглаживать противоречия. Писатель их видит, и, если осознанные им противоречия влекут к решению неосознанных, то его произведение является подлинно художественным (Аллахвердиев). Становление критического реализма в грузинской литературе отмечено богатством художественных средств, отвечающих конфликтам переходного исторического этапа. Неприятие крепостничества, идеи национального освобождения и социального преобразования объединяют таких мастеров пера, как А. Церетели, Г. Церетели, К. Николадзе, Д. Чонкадзе, К. Лордкипанидзе, Л. Ардизиани, С. Месхи, среди которых Илья Чавчавадзе был «властителем дум».

Комическое в широком смысле, особенности жанровых разновидностей произведений Чавчавадзе с компонентами смеха и юмора, иронии и сатиры выяснены не столь подробно и тщательно, как гражданские мотивы в его замыслах. Но, являясь органичными для него, они сохраняют и свое самостоятельное значение: в них отражены черты редкостной силы таланта художника и литературы нового типа в связи с его ролью в ней. «Его могучий дух раскрылся до конца в непримиримом художественно-критическом мышлении. Мощь этого пронизательного поэтического мышления чувствуется в его сатирических произведениях и памфлетах, в строках, проникнутых публицистическим пафосом и обличающих социальную несправедливость» [12, с. 271], – так воспринимает Чавчавадзе поэт XX века

С. Чиковани, который выделяет у писателя «ритмически-напряженный и экспрессивный» текст в поэтическом отрицании безобразного.

Творческая лаборатория грузинского поэта примечательна продуктивной регенеративностью идей и тем, проблем и даже образов, а нередко – и автохтонных символов (Аазань, Арагва, Кура, Терек, Казбек, Мерани и др.), благодаря чему идейно-эстетическая направленность его сатирических замыслов сохраняется в разных формах. Актуальные проблемы находят у него художническую разработку в стихах, поэмах, повестях, хронологически позволяющих судить о нарастающем протесте Ильи Чавчавадзе против тех, кто не спасает грузинскую нацию от застоя и деградации.

Стихи «Голос из могилы» (1857), «Не пора ли понять» (1858), «Колыбельная» (1859), «Как поступали, или история Грузии XIX века» (1871), «Загадки» (1871), «Еще загадки» (1871), «Ответ на ответ» (1872), поэма «Видение» (1859–1872), повесть «Человек ли он?!» (1858–1963) отмечены ранней зрелостью двадцатилетнего поэта-сатирика и в дальнейшем – постоянным углублением в известные противоречия, контаминациями, сближающими его поэзию и прозу как на основании идей, так и поэтики. А какой накат эмоций прорывается в один и тот же день написания двух стихотворений, датированных «7 декабря 1871»!

Перед читателем в стихах «Загадки» и «Еще загадки» выстраивается ряд сначала из восьми портретов, а потом еще – из пяти. Автор надеется, что читателю удастся «распознать людские лица»: льстеца-«гнома», мастака «двуличного», фата «криводушного», «патриота», равнодушного ко всему, «мудреца» «с умом коротким», «выскочку-нахала». Он осмеивает и драматическую амбивалентность персонажей: «*Ни добра, ни зла не сделал В жизни этот человек*» [11, с. 70], другой «*Любишь нацию свою*», но «*На страну свою плюет*» [11, с. 72]. Писатель саркастически замечает и такое: «*Был передовым, а ныне Пресмыкающийся гад*» [11, с. 71].

Галерея аксиологически очерченных лиц во втором стихе «Еще...» расширяется с более детальным описанием их роли. Здесь и:

*Скоморох, фигляр болтливый,
Скрытый, с лисьей хитрецою.
Торговать ему на рынке,
А ведь правит он страну... [11, с. 73].*

Затем – тот, кто

*...гримасы не строив,
Ни одной не скажет речи...
...Далеко от нас он занял
Пост большой... [11, с. 73].*

За ним следует «Обалдуй какой-то мрачный», который «*послал за “наградные”*»

Многих по миру, на муки.

*Проклиная негодяя,
Не одна рыдает мать...* [11, с. 74].

Портретистика Ильи Чавчавадзе конкретизирует штрихами и внешний облик изображаемых с преднамерением узнавания в них реальных соотечественников, прототипов: «*один мал больно ростом, кряжистый, широкоплечий*» [11, с. 73], другой «*Точно сыч большеголовый, Гладко выбритые щеки*» [11, с. 73], а «*Вот четвертый господин Кланяется неуклюже, Словно проглотил аршин*» [11, с. 70].

Ассоциативны и лаконично-атрибутивные мазки – «сероглазый», «худощавый», «надутый», «длинноусый», «облысевший». Это усиливало негодование известных лиц, возникшее еще после стихов в августе 1871 года «Как поступали...», названных обвинительным актом против старого дворянства (Гольцев). Чавчавадзе знает о впечатлениях от своих строк у определенных слоев общества, но высказывает надежду на понимание вдумчивого читателя: «*Вы твердить не торопитесь: Этот, мол, поэт – наш враг!*» [11, с. 72]. Поэт уверен, что он «должное воздает» ради истины.

Все три стихотворения объединены идеей патриотизма по отношению к Грузии, что включает в себя историческую память и поиск способов для ее развития. Общественно-политические настроения русской творческой интеллигенции того времени, опыт Жуковского, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина находил отзвук у грузинских шестидесятников, в национальном преломлении показывающих предпосылки общих, эпохальных перемен.

Эпические стихи Ильи Чавчавадзе «Как поступили...» напоминают открытостью иронией Некрасова, нарративностью композиции они похожи на «Бородино» Лермонтова. Диалогическая речь по мере поступления вопросов, задаваемых молодым мифическим героем «деду», вплетает все больше прямых ответов по поводу причин бедствий, «когда иссякли Судьбы Грузии единой» [11, с. 63]. Современные русские «богатыри» и грузинские «витязи» окончательно развенчивают псевдоромантические представления в двух национальных литературах об официальном патриотизме и совершенстве государственного устройства имперской России второй трети XIX столетия. Илья Чавчавадзе, восхваляя славные подвиги предков, «всячески предостерегал от идеализации прошлого... Во имя будущего Грузии он призывал учитывать не только положительный, но и отрицательный опыт предшествующих поколений» [5, с. 152].

1837 – год смерти Пушкина, когда эта трагедия родила и стихотворный вызов верхушке общества Лермонтова, и его же «Бородино» в народно-исторической тенденции. Есть определенная символика в том, что 1837 – это год рождения Ильи Чавчавадзе, которому с детства предстоит приобщаться к выстраданному русской литературой слову в защиту

национальных ценностей, порабощенного крестьянства, свободы. Будущему писателю рано становятся известны многие аналогичные факты в общественно-литературной ситуации тогдашней Грузии, которую тоже постигают потрясения с уходом из жизни двух титанов ее культуры – в 1845-м умирает Николоз Бараташвили и в 1846-м – Александр Чавчавадзе. Когда Илья Чавчавадзе будет в пушкинском возрасте, его протестный пафос как уже многолетняя неизбежная потребность «воздать должное» «ради истины», ради социальной справедливости, предстанет в интертекстуальном синтезе преемственности традиций своих предшественников на новом уровне сатирической художественной мысли.

Комическое в повести «Человек ли он?!» демонстрирует взаимозависимость социально-политической системы страны и застойного существования на всех ее участках, нравственную картину деградации грузин. Национально-характерологический подход Ильи Чавчавадзе к решению идеи грузинства обуславливает структуру произведения с центрированием фигур супругов Таткаридзе на фоне быта разоряющегося поместного дворянства. Планомерный обзор вяло текущего бытия в детально, по-гоголевски описанной обстановке усадебного хозяйствования сокращает хронотоп развития действия в повести, но дает автору возможность углубления по вертикали. Психологическая выразительность эпизодов, мизансцен, драматургически построенных фрагментов обостряют чувство утрат. «В этом космосе камня, – пишет Г. Гачев, имея в виду кавказский ландшафт, – единственно трепетное, живое – это человек» [4, с. 419]. Историко-софские размышления о Грузии приводят к выводам о приоритете для нее не воинских, а нравственно-этических ценностей; ей «извечно даны: ее земля, горы... ей не расширяться, а сохраняться надо, расти не в ширь геополитическую, а в глубь экзистенциальную. Такова... “энтелехия” народа, целевая причина, его призвание» [4, с. 419].

Достоевский считал, что категория трагического обязательна для настоящей сатиры, и у Чавчавадзе она вносится в повествование без резких переключений, но предусматривает катарсис. В первую очередь это обличение писателем бездействия, которое губительно для самих господ и понимается как омертвление души, угасание интеллекта, потеря трудоспособности. Высмеивание им низвержения Луарсаба и Дареджан Таткаридзе до зоологической ступени программируется уже семантикой заглавия произведения.

Перечень занятий, обыденных хлопот у супругов сведен к поучениям слуг, меню, примитивным забавам, вроде споров о количестве сидящих на стене мух. Серьезное же намерение обрести родительское счастье, затрудненное по состоянию здоровья Дареджан, смешит невежеством, суеверием, нелепостью используемых средств. И если обманчивость

надежд в начале, еще во время сватовства и свадьбы, когда на смотринах невесты и под венцом Луарсабу пришлось увидеть не одно и то же женское лицо, постепенно растворяется в привычно рутинной жизни, то теперь попытки его жены стать матерью показаны автором как абсурд. Так, последовательно в символической значимости распада рода, а потому и нации, драматизируется Ильей Чавчавадзе сатирический замысел «Человек ли он?!». В повести нет ни светлых зарисовок, ни образов, ни портретов. Изломы времени прочерчены в ней на реалиях биографий героев, которые отражают напластования жалких усилий сохранить внешний вид благородства и величия. Характеристика изворотливой корыстолюбивой Хорешан, благодаря которой и состоялся брак Луарсаба и Дареджан, суммирует социально-нравственные проявления грузинского общества в момент его спада. Это подчеркивается самим ее прозвищем «горе-княгини», или – «лжекнягини» из-за отсутствия у нее рефугации, документа, подтверждающего княжеский титул, которого тщетно добивался ее покойный муж.

Противоречия различного содержания охватывают широкий диапазон наблюдений над провинциальной жизнью Грузии, они определяют особенности поэтики произведения как сатирически целостного текста. Например, имя супруги Луарсаба преднамеренно вносится автором в повествование как насмешливая переключка с именем прекрасной руставелевской героини «Витязя в тигровой шкуре» Нестан-Дареджан. Оним-архетип и углубляет художественно-психологическую антитезу, и напоминает об утрате национальных традиций. Поэтому заботы и переживания Таткаридзе не вызывают сочувствия; повествование в целом не навеивает элегических эмоций, не вызывает симпатии к персонажам, как «Старосветские помещики» Гоголя, с которыми критики не раз сопоставляли произведение Чавчавадзе. Его скорее следует противопоставлять – на тонком следовании грузинского прозаика гоголевскому опыту, предсказавшему ему схематически-сюжетное подобие. Фабульное движение текста в «Человек ли он?!» не удерживает теплой волны жизнелюбия, гуманистической латентности подтекста, которые бы оставили у читателя след сострадания. Луарсаб и Дареджан уходят, «ничего не прибавивши миру своей жизнью и ничего не отнявши смертью» [11, с. 193].

Ощущение безысходности усугубляется проникновением Чавчавадзе в истоки бытия своего горского края. «Идея *бесконечности* чужда здешнему Космо-Психо-Логосу... Тогда как на Руси вечный ток в даль, от-сюда куда-то. Психокосмос от-*бытия*. “Не-присебейность”. А в Грузии – самодостаточность» [4, с. 420–421]. В гоголевской «птице-тройке» окрыляют оптимизм перспективности, вера в прорыв, выход из оцепенелости «мертвых душ», чего нет в повести грузинского сатирика.

Лирические отступления Ильи Чавчавадзе не передают стихии российского раздолья. Они обращены к читателю с просьбой понять прямому автору, извинить его за жесткость правдивых слов, вникнуть в суть происходящего. Это – «любезный читатель», «рассердившийся», «опечалившийся», «заскучавший», но все же «любимый грузин», «мой читатель» для писателя, которому он с надеждой доверяет свои душевные боли из-за погибельного состояния общества. Психологические наблюдения как над эндогенными его проявлениями, так и над фактами в контексте кавказско-европейской истории у Чавчавадзе уточняют и проясняют «самоназвание» грузин, «определенные представления о себе... как возникают эти представления... из каких блоков и элементов состоят» [9, ф. 31–38]. Писатель основные причины саморазрушения нации видит в отсутствии труда и безволии господ, в нищете, эксплуатации и угнетении народа, о чем с горькой иронией будет сообщать и в свой последующий период творчества (стихотворение «Счастливая нация» (1871)).

Рутинная, воссозданная художником в повести, исключает рутинность, невыразительность его письма, поскольку извлекает из обывательского мрака те противоречия, которые настораживают признаками катастрофизма. Доносимые Ильей Чавчавадзе с философским осмыслением вечного, они напоминают о том, что «кружение мира произвело много всяких перемен на лоне земли» [11, с. 192], но, прежде всего, что от самого человека, сознающего свою ответственность перед Богом и людьми, зависит, каковы эти перемены.

Драматизация сатирических жанров у поэта и прозаика Чавчавадзе предопределена диалектической сложностью его мировидения. Он убежден, когда сердце «сострадает несчастным и сбившимся с пути, тогда смешное чаще должно исторгать из себя слезы» [11, с. 195]. Природа комического у одного из ярчайших гуманистов своей эпохи такова, – в ней слиты художественные системы и непосредственные логические суждения с высоким гражданским мужеством.

1. Аллахвердиев В. М. Психология искусства.– СПб. 2001.
2. Асатиани Г. Литературно-критические статьи.– М., 1985.
3. Асатиани Г. Классики и современники.– Тб., 1978.
4. Гачев Г. Национальные образы мира.– М., 1988.
5. Гольцев В. Из трех книг.– Тб., 1970.
6. Жгенти Б. Сильна единством.– М., 1984.
7. Зурабашвили А. Д. Персонологические искания.– Тб., 1977.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий.– М., 2001.
9. Налчаджян А. А. Этнопсихология.– СПб., 2004.
10. Хихадзе Л. Д. Из истории восприятия русской литературы в Грузии.– Тб., 1978.
11. Чавчавадзе И. Собр. соч. в 2-х тт.– Т. 1.– Тб., 1978.
12. Чиковани С. Мысли. Впечатления. Воспоминания.– М., 1968.